

СОЦИОЛОГИЯ В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ

Социология внедряется в нашу высшую школу, оказывая воздействие на социогуманитарную подготовку студентов в целом. Степень этого воздействия определяется тем, насколько она отражает современное состояние социологической науки и, вместе с тем, сопрягается с российской действительностью, обладает высоким теоретическим уровнем и несет в себе ощутимый заряд прагматичности, имеет собственное «лицо» и сочетается с другими курсами, является доступной для студентов и зовет их к размышлениям и поискам.

Процесс становления социологии как учебной дисциплины, отвечающей современным требованиям, сложен и противоречив. Так, открывшийся доступ к отечественному и зарубежному наследию порой оборачивается абсолютизацией одних и игнорированием других направлений и персоналий. Нередко за последнее слово науки выдается то, что в действительности отражает реалии давно минувших дней. Имеет место и просто копирование западной учебной литературы.

Все это можно понять. Переживаемый Россией тотальный и затяжной кризис, состояние аномии понуждают «выхватывать» из накопленного арсенала различные концепции в надежде найти в них спасительный компас и тем самым заполнить образовавшийся вакуум. Однако, как известно, нельзя жить чужим умом, точно так же как невозможно дважды войти в одну и ту же реку. Поэтому один из существенных недостатков преподавания социологии видится в дистанцировании его от российской действительности. Хотя основная задача данной дисциплины — формирование социологического мышления и осуществление на этой основе анализа прежде всего своего общества, его проблем и способов их решения. Степень эффективности преподавания социологии, в конечном счете, определяется именно тем, насколько успешно решается указанная задача. Этот критерий все более выдвигается на первый план по мере перехода социологии от экстенсивного к интенсивному этапу развития. Данный же переход связан с поиском и реализацией социологией своей специфики, идентичности, осуществляющихся посредством саморефлексии, критического осмысления основных течений и самой действительности.

О современном состоянии социологии как вузовской дисциплины можно судить по учебной литературе. За последние годы вышло около пяти десятков учебников, пособий и курсов лекций. обстоятельный их анализ требует времени и коллективных усилий. В определенной мере такая работа ведется «Социсом» и «Социально-политическим журналом», где опубликован ряд интерес-

Фетисов Владимир Яковлевич (р. 1936) — докт. филос. наук, профессор кафедры социологии и политологии Республиканского гуманитарного института при СПбГУ.

Адрес: 194223, Санкт-Петербург, пр. М. Горького, д. 35, кор. 1, кв. 7. Тел.: дом. (812) 552-13-22; сл. (812) 350-13-97.

ных статей, рецензий и обзоров. Однако, представляется, что ее нужно вести более активно и целенаправленно. Необходим мониторинг выходящей литературы с тем, чтобы новые издания учитывали достижения и недостатки своих предшественников и шли дальше, чтобы количество превращалось в новое качество. При этом особенно важно учитывать концептуальный подход к изложению социологии, проявляющийся в определенном понимании ее специфики и, следовательно, ведущий к соответствующей трактовке ее предмета, содержания, структуры и функций.

В данной статье предпринимается попытка рассмотреть специфику социологии с точки зрения соотношения в ней двух основных направлений и ориентаций — социологического реализма и номинализма.

Суть социологического реализма состоит в том, что за основу общественной жизни берется общество, различные социальные группы и институты. Именно они, по мнению сторонников данного направления, — истинные носители социальной реальности. Отдельные же индивиды приобретают свои социальные качества, лишь приобщаясь к этим сверхиндивидуальным образованиям. Здесь, таким образом, провозглашается безусловный примат общества как целого над индивидами. Социологический же номинализм, напротив, исходит из того, что источник и единственный субъект социальной жизни — индивид и его социальное действие. Поэтому социология, отмечал М. Вебер, имея в виду ее номиналистическое направление, не занимается «действиями» коллективных субъектов» [1, с. 615]. Из действий индивида выводятся характеристики социальных общностей и процессов.

Социология, как известно, представляет собой сосуществование различных, весьма отличных друг от друга теорий и направлений. В современной литературе дается анализ многих социологических антиномий: «деятель-структура», «микро-макро», «методологический индивидуализм-холизм», «субъективизм-объективизм», «рационализм-иррационализм» и т. д. Однако в определенной мере эти антиномии можно свести к дихотомии «реализм-номинализм», а историю социологии представить как соперничество и смену друг другом этих направлений.

Господство социологического реализма в XIX в. сменяется на рубеже XX столетия распространением «понимающей» социологии, в основе которой лежит принцип методологического номинализма. Переход от реализма к номинализму был обусловлен кризисом парадигмы первого направления. Он представлял собой закономерный процесс, о чем свидетельствует эволюция взглядов многих крупных теоретиков того времени. Впоследствии наблюдались различного рода ренессансы: марксовский, веберовский, дюркгеймовский, Зиммелевский..., представляющие собой доминирование в социологии то реализма, то номинализма. В известной мере реакцией на эти артикуляции явилось создание интегративных теорий, среди авторов которых прежде всего следует отметить П. Сорокина и Т. Парсонса. Особенно же сильно тенденция к синтезу этих двух направлений проявилась в последние десятилетия, что нашло отражение в концепциях П. Бурдьё, Э. Гидденса, Н. Лумана и Ю. Хабермаса. Однако органического соединения макро- и микротеории структурного и деятельностного, объективистского и субъективистского подходов, несмотря на определенные успехи в их сближении, достичь не удалось. По-прежнему соци-

ология колеблется то в сторону реализма, то номинализма, что особенно заметно проявляется в учебной литературе.

Доминирование одного из этих направлений связано со многими причинами как гносеологического, так и социального характера. Особое значение среди них приобретает та ступень развития, на которой находится общество и, следовательно, специфика его связей с индивидом. Социологический реализм и номинализм — методологические установки, непосредственно сопряженные именно с базовым отношением «общество–индивид». Первый из них ориентирован на социоцентристское, а второй на антропоцентристское восприятие действительности. Каждый из них ставит в центр внимания различные стороны общества и человека, выделяет разные виды их жизнедеятельности, использует свои методы исследования. Однако любая научная теория, отражая с различной степенью адекватности реальность, обладает относительной самостоятельностью и, следовательно, соответствующей способностью воздействия на данную реальность. Отсюда и возникает целый ряд вопросов: какое из указанных направлений социологии более адекватно отражает современную действительность вообще и российскую в особенности? на какие методологические принципы следует ориентироваться при разработке государственных стандартов, создании учебников и пособий, чтении курсов лекций с тем, чтобы социология наиболее полно выполняла свои функции? какое значение приобретает синтез обоих направлений, правомерен ли он и как осуществляется в учебных курсах?

Ответы на эти вопросы невозможно получить без определения хотя бы в самой общей форме основной тенденции эволюции российского общества. Именно она, в конечном счете, предопределяет выбор тех или иных социологических парадигм при исследовании и изучении общества. При всей сложности и противоречивости происходящих в нашем обществе перемен, можно утверждать, что объективно оно вступило на путь трансформации из весьма специфической индустриальной фазы в развитие постиндустриальной системы. Главные изменения, происходящие при этом, — преобразования базового отношения «общество — индивид», которые реализуются в различных формах активности личности, важнейшей из которых является деятельность.

Деятельность имеет множество граней и потому выступает объектом исследования различных наук. Социологию интересует ее социальное содержание. Для понимания как самой деятельности, так и структуры ее субъекта целесообразно, на наш взгляд, иметь в виду следующую схему: объективные предпосылки и условия–индивид, его потребности–интересы–ценности, нормы–цели–средства и способы их реализации — собственно деятельность — ее результаты. Деятельность человека определяется, с одной стороны, совокупностью его свойств, которые, по выражению Э. Гидденса, могут быть описаны стратификационной моделью, имеющей различные уровни. С другой — она обусловлена теми предпосылками, условиями, средствами, нормами и т. д., которые создаются и формируются окружающей средой, обществом в целом. В деятельности проявляется отношение личности к миру, в ней происходит персонализация определенного типа социальности. Связь между обществом и индивидом в деятельности реализуется более всесторонне и глубоко по сравнению с поведением и общением. По отношению к другим формам активности

деятельность, прежде всего трудовая, играет ведущую роль, ибо посредством нее люди удовлетворяют свои потребности, реализуют свои интересы и ценности и тем самым воспроизводят себя.

Деятельности присущи не только прямые связи, идущие от потребности к целям и далее к результатам, но и обратные. Личность способна корректировать свою деятельность в зависимости от степени совпадения результатов с целями и, следовательно, от степени удовлетворения своих потребностей. Но поскольку, как известно, действие удовлетворения, сама удовлетворенная потребность ведут к появлению новых потребностей, к их возвышению и к соответствующему изменению всех остальных звеньев, то происходит развитие как самого субъекта, так и его деятельности. Следовательно, человеческая деятельность характеризуется не только целенаправленностью и целесообразностью, но и целеполаганием, благодаря чему она способна выходить за пределы достигнутого и развиваться по своим собственным законам.

Сущность сознательной деятельности как активного отношения человека к миру, ее предельные состояния — верхние и нижние пороги, личность как творческое существо... — все это рассматривается философией. Однако поскольку сущность не тождественна существованию, поскольку в действительности имеет место огромный диапазон различных видов деятельности, то они исследуются многими науками, среди которых особое место занимает социология. Ее, как отмечалось, интересует социальная природа разнообразных видов деятельности, их сопряженность с удовлетворением потребностей человека, реализацией им своих интересов и ценностей, самоутверждением и воспроизводством себя как социального существа. Важными социальными критериями конкретных форм деятельности являются соотношение в них внутренней мотивации и внешнего стимулирования, свободы и принуждения, творческого и репродуктивного начал, присвоения и отчуждения, рационального и иррационального, степень полноты проявления в них индивида как личности и индивидуальности. Названные показатели можно рассматривать как операциональные понятия, находящиеся в русле логических процедур, ведущих к поиску эмпирических значений теоретического смысла социальной деятельности.

Особый интерес вызывает развитие деятельности в онто- и филогенезе. Значительное место в курсе социологии, как известно, занимает раскрытие процесса социализации индивида, то есть становление его как субъекта социальных форм деятельности. Что же касается филогенеза, то он, как правило, выпадает из поля зрения авторов учебников и пособий. Между тем эта проблема имеет существенное значение для понимания как соотношения реализма и номинализма, так и специфики социологии в целом.

Можно предположить, что каждому крупному этапу в развитии общества — традиционному, индустриальному и постиндустриальному — соответствует определенный тип социальной деятельности. Разумеется, на любом этапе общество не гомогенно: в нем сосуществуют, переплетаются различные типы деятельности людей. Однако в каждый период один из них занимает доминирующее положение, что находит отражение в распространении соответствующих ему форм отношений, поведения и общения, в особенностях социальной структуры и институтов общества. Поэтому определение направления трансформации российского общества в конечном счете зависит от выяснения того,

что собой представляет эта трансформация с точки зрения замены одного типа социальной деятельности другим.

Типологии социальных видов деятельности уделяется недостаточное внимание в отечественной литературе. Поэтому за основу возьмем концепцию М. Вебера, сделав при этом два предварительных замечания. Во-первых, в теории социального действия Вебера речь идет о действии как об одноразовом, кратковременном акте поведенческого характера. Не случайно, как известно, он не смог освободиться от психологизма. Разложение деятельности как целого на отдельные индивидуально-психологические компоненты затрудняет понимание общих социальных процессов, приводит к разрыву микро- и макромира, деятельности и структуры. Поэтому представляется более целесообразным говорить не о действии, а о деятельности, которая представляет собой совокупность многих действий, протекает в течение длительного времени, обладает определенной целостностью и интегративными свойствами.

Во-вторых, действие, по Веберу, является социальным, если оно имеет субъективный смысл и сориентировано на поведение других людей [1, с. 602–603]. Соглашаясь с первым признаком, уточним второй. Действие (деятельность), по нашему мнению, носит социальный характер и в том случае, если оно направлено на предметный мир с целью удовлетворения потребности, реализации своих интересов и ценностей. Воздействуя на этот мир, изменяя его, индивид тем самым утверждает и воспроизводит себя как социальное существо. Поэтому вряд ли правомерны встречающиеся в учебниках примеры типа: если сотрудник конструкторского бюро выясняет свои отношения с начальником, то это социальное действие, а когда он работает над созданием новой машины, аппарата и т.д., то его деятельность уже не носит социального характера. Или: профессор читает лекцию студентам – социальное действие, а чтение им же книги не является таковым.

Следует отметить, что процесс сближения микро- и макротeorии, деятельностного и структурного подходов, субъективистского и объективистского видения действительности требует переосмысления многих ключевых понятий: действия, структуры, системы и т.д. Представляется, что расширительная трактовка социального действия, придание ему статуса деятельности со всеми вытекающими отсюда последствиями будет способствовать преодолению границ между, казалось бы, несоизмеримыми концепциями, будет содействовать синтезу реализма и номинализма как двух основных направлений в социологии.

Учитывая сказанное, можно принять типологию социальных действий М. Вебера за основу типологии социальных видов деятельности. Как известно, он выделял традиционное, аффективное, ценностнорациональное и целерациональные социальные действия как идеальные типы [1, с. 628–630]. В соответствии с данной типологией будем выделять и типы деятельности, исключив при этом аффективное действие, ибо по своим свойствам оно скорее является предметом психологического анализа. Попытаемся теперь дать характеристику различным типам деятельности – традиционной, ценностнорациональной и целерациональной.

Традиционная деятельность характеризуется тем, что совершается в соответствии с образцами, в качестве которых выступают традиции, приемы, ритуалы и другие стереотипы. Эта деятельность движется в русле однажды воспри-

пятих установок. Она не расчленяется на составные компоненты. Воспринятое воспроизводится без каких-либо существенных изменений. Прошлое господствует над настоящим, усвоение над созиданием. Девиации и инновации либо отсутствуют вообще, либо сведены к минимуму. Усилия социальных институтов направлены на то, чтобы исключить изменения и сохранить существующее положение. Традиционная деятельность не нуждается в теории, здесь нет дифференциации сознания индивидов на теоретическое и практическое. Такая деятельность доминировала в докапиталистических формах общества и потому не случайно они часто обозначаются соответствующим понятием.

В индустриальном обществе сосуществуют различные виды деятельности, но особенно широкое распространение в нем получает деятельность, которую можно отнести к ценностнорациональному типу. В технологическом отношении она, в отличие от традиционной, расчленена на множество отдельных функций. Узкая специализация отражается и на ее социальном содержании. Деятельность индивида теряет свой целостный, социальный характер, ибо из нее изымается скрепляющий стержень — вытекающие из потребностей и интересов человека цели. В результате он превращается в «квази-субъект», в функциональный придаток техники и в «деталь» социальной машины — мегамашины. Деятельность подчиняется структурам, а человек как ее субъект встраивается в организацию, повинуюсь ее программам [2, с. 67–70]. Машинное производство, техника, бюрократия, следовательно, так воздействуют на личность как субъект, что она лишается собственных побудительных сил. Внешнее стимулирование явно доминирует над внутренней мотивацией. Ценности, установки, цели в этих условиях привносятся извне — вождями, политиками, идеологами. Индивид же, ощущая свою ущербность в результате узкой специализации, предрасположен к их восприятию, более того — вынужден брать «на прокат» недостающие для его социального бытия компоненты. К тому же последние насильственно насаждаются в его сознание властвующей элитой, партиями и организациями, средствами массовой информации.

Вероятно, не случаен тот факт, что установление тоталитарных режимов в XX в. совпадает с расцветом индустриализма. Естественно, последний вовсе не однозначно ведет к тоталитаризму, но он создает для него благодатную почву. Показательно в этой связи следующее обстоятельство: сталинские репрессии более всего обрушились на интеллигенцию и крестьянство — те слои общества, которые по содержанию своего труда не вписывались в создаваемую социальную мегамашину, назначение которой заключалось в достижении заранее определенных и далеких от реальных нужд людей целей. Таким образом в ценностнорациональной деятельности личные потребности индивидов отодвигаются на периферию их сознания, «выцветают» и отождествляются с интересами тех или иных групп и общностей. Ценности последних получают безусловный примат над личными предпочтениями человека.

Приведенная трактовка ценностнорациональной деятельности исходит из веберовского ее понимания. Вместе с тем она отличается от последнего. М. Вебер делает акцент на слитности ценностей с другими элементами мотивации. Ценностнорациональное действие, по Веберу, подчинено определенным требованиям, в выполнении которых индивид видит свой долг и несмотря на возможные последствия поступает в соответствии с ними как высшими ценностями [1,

с. 629]. Здесь же обращается внимание на такой вид данного типа деятельности, при котором индивид вынужден воспринимать определенные ценности общностей и действовать в соответствии с ними, хотя по отношению к нему они выступают как внешняя, навязанная сила.

Ценностнорациональная деятельность более динамична и продуктивна по сравнению с традиционной. Она создает определенные возможности для индивидуальных девиаций и инноваций. Тем не менее в целом данный вид деятельности носит исторически ограниченный характер, который проявляется прежде всего в том, что личность вынуждена действовать в соответствии не со своими потребностями, а с потребностями и интересами других людей, различных групп и общностей. Таким образом создаются возможности для отчуждения от человека как результатов, так и самого содержания деятельности, разрыва и противопоставления друг другу микро- и макромира. Так, в определенных исторических условиях развитие производства в целом и его отдельных сфер, например, ВПК, а также техники, политических институтов и т. д. представляются как высшие ценности общества, реализации которых должны быть подчинены интересы всех граждан. Они, таким образом, превращаются в самоцель общественного развития вместо того, чтобы быть предпосылками, условиями, средствами удовлетворения потребностей людей, обеспечения необходимого уровня их жизни и деятельности.

Ценности общностей более консервативны по сравнению с ценностями индивидов. Поэтому между ними со временем возникают противоречия, вызывающие необходимость переосмысления старых и формирования новых ценностей. Так, в советском обществе одной из высших ценностей считался труд на благо общества в сочетании с максимальным ограничением в потреблении. От населения требовались высокие трудовые затраты при низком материальном вознаграждении. В этом отношении социалистическая трудовая этика, как верно отмечает В. С. Магун, имела немало общих черт с протестантской этикой: обе представляли собой разные варианты идеологии аскетизма. Однако протестантская трудовая этика оказалась более эффективной и смогла создать по сравнению с социалистической долговременные стимулы труда [3, с. 19]. Это произошло прежде всего потому, что результаты труда коррелировались с удовлетворением потребностей. Поэтому представляются вполне естественными изменения отношения людей к труду, которые произошли за последнее время. «Труд сегодня, — отмечает В. С. Магун, обобщая эмпирические исследования, — рассматривается большинством россиян как деятельность, основной целью которой является удовлетворение потребительских нужд самого работника и его семьи» [3, с. 22].

В условиях господства ценностнорациональной деятельности существует и реализуется опасность хронического отставания ценностей от реальности. Ценности, адекватно отражающие один период в жизни общества, в силу разных причин экстраполируются на другие периоды, где в результате несоответствия старых ценностей новым условиям и потребностям людей деформируют их деятельность. Отсюда возникает проблема гармонизации ценностей и целей индивидов не только с ценностями и целями сообщества, ибо известны инертность и иллюзии общественного сознания, но и с объективным процессом развития социальной действительности в целом, с динамикой первичных основ жизни.

Ценностнорациональная деятельность, при которой деятельность подчиняется структурам, а ее субъект — общностям — основа для бессубъектного отношения к действительности. На методологическом уровне социального познания, как справедливо отмечает В. Бакиров, эта особенность обнаруживает себя в господстве натурализма, в уподоблении социальных процессов процессам природы [2, с. 69]. Не случайно в XX в. широкое распространение получил структурно-функциональный подход, родство которого с натурализмом не подлежит сомнению. Этот подход заменяет реального индивида функцией или, по Парсонсу, ролью — статусом. Социальная же система в целом представляется через функции ее индивидов. Однако указание на функцию, выполняемую индивидом, еще не объясняет мотивы его деятельности как социального субъекта, что является главным для социологии.

Ценностнорациональная деятельность — социальная почва, на которой произрастают теории и принципы социологического реализма. Последний, как известно, ставит в центр внимания общество, а индивида рассматривает постольку, поскольку он необходим для его (общества) функционирования. В связи с этим в поле зрения попадает не деятельность индивидов, а структуры и связи, привносимые «сверху», социальной системой. Поскольку же последняя рассматривается как самодостаточная, то во главу угла ставится процесс ее функционирования, а не изменений и развития, которые могут успешно протекать лишь в результате деятельности индивидов как самостоятельных субъектов, их девиации и инновации. В игнорировании индивидов как субъектов проявляется односторонность социологического реализма, что обнаружилось уже в теории Э. Дюркгейма. Характеризуя его концепцию, Ю. Н. Давыдов справедливо отмечает, что Дюркгейм, отделив коллективно-всеобщее от индивидуального, «избавил всю науку не только от индивидуально-психологического "субъективного произвола", но и от реального эмпирического субъекта социального действия, измыслив вместо него теоретическую фикцию — коллективного субъекта...». Тем самым, как отмечается далее, была поставлена преграда для выхода к индивидуально-конкретным личностям, к действительной социальной реальности [4, с. 14].

В данном плане весьма примечательна и критика, высказываемая в адрес Т. Парсонса, модель социальной жизни которого — это мир равновесия, без внутренних источников изменений и, следовательно, без движения, мир, в котором нет места конфликтам [5, с. 246–250].

Целерациональная деятельность в массовом масштабе формируется в результате радикальных изменений, происходящих при переходе общества от индустриальной фазы к постиндустриальному состоянию. Важнейшие составляющие этого процесса: переключение ведущей роли с материально-вещественных элементов производства на духовные, с овеществленного труда на живой, «диффузия» собственности, рост технологического обобществления и возрастание децентрализации в организации и управлении производством, распад одних и формирование других общностей и институтов... Итог данных преобразований — коренное изменение способа включения человека как в производственный процесс, так и в структуру общественной жизни в целом. Главное состоит в том, что индивид превращается из «квази-субъекта» в действительного субъекта.

«Целенаправленно действует тот индивид, — отмечал М. Вебер, — чье поведение ориентировано на цель, средства и побочные результаты его действий, кто рационально рассматривает отношение средств к цели и побочным результатам и, наконец, отношение различных возможных целей друг к другу, то есть действует, во всяком случае не аффективно (прежде всего не эмоционально) и не традиционно» [1, с. 629]. Ориентируясь на цель, средства и результаты, индивид уже не абстрагируется от своих потребностей и интересов, а согласует в соответствии с ними свои действия. Здесь меняется соотношение между внешним стимулированием и внутренней мотивацией в пользу последней, целеполагание и целеосуществление соединяются в одном объекте. У личности появляется возможность выбора средств и Способов достижения сопряженных со своими нуждами целей, реализации не только прямых, но и обратных связей.

Целерациональная деятельность по своей внутренней природе предрасположена к девиациям, инновациям и, следовательно, к саморазвитию. Поэтому ее субъекты по мере превращения из единичных явлений в массовые вступают в противоречия с прежними общностями, со сложившимися социальными структурами. Разрыв с последними происходит неодинаково, в зависимости от субъективной готовности к данной деятельности. У одних он вызывает ощущение свободы и является стимулом к созиданию, у других — ведет к вседозволенности и преступным действиям, у третьих порождает чувство неуверенности, страха, дискомфорта, у четвертых — ностальгию по прежним объединениям и стремление их реставрировать...

По сравнению с другими видами целерациональная деятельность обладает большей рациональностью, то есть более высокой степенью сознательно достигаемого соответствия между всеми ее элементами. У Вебера рациональность в данном типе деятельности охватывает лишь цели и средства и потому носит узкий, формальный и, в известной мере, абстрактный по отношению к субъекту характер. В предлагаемой же трактовке данного вида деятельности рациональность распространяется на все элементы социальной структуры личности, включая потребности как ее важнейший исходный элемент. В этом случае мотивация приобретает содержательный, более конкретный и системный характер, что не может не сказаться положительно на соотношении целей и результатов деятельности. Речь идет о резком сужении возможностей для постановки оторванных от нужд людей, утопичных по своей сути целей и, следовательно, о большей вероятности совпадения результатов с целями. Предлагаемый подход позволяет преодолеть противостояние между инструментально понимаемой рациональностью, жестко связанной с целесообразностью и эффективностью, с одной стороны, и свободой, как возможностью целеполагания, реализации своих ценностей, — с другой.

Включение в орбиту мотивации потребностей не означает игнорирования ценностей, отставания позиции «потребностного детерминизма» с его однозначной и натуралистической трактовкой потребностей. Роль ценностей здесь сохраняется, но они, включаясь в новые связи и отношения, приобретают иное содержание и значимость, теряют свой абсолютный и самодовлеющий характер, в силу которого могут быть привнесены извне и навязаны личности вопреки ее жизненным интересам.

Переход общества от ценностнорациональной к целерациональной деятельности, от господства социоцентристских ценностей к осознанию человека как высшей ценности осуществляется сложно и противоречиво. В нашем обществе он ознаменовался тем, что маятник качнулся в другую сторону, выйдя за разумные пределы, что проявилось в аномии, в игнорировании всяких норм и ценностей, в абсолютизации примитивных потребностей, в расползании индивидуального и группового эгоизма, сепаратизма и национализма. В этих условиях особенно важна роль ценностей, противостоящих «потребностному редуccionизму» и индивидуализму, но именно таких, которые, как отмечалось, были бы сопряжены с нуждами и интересами подавляющего большинства людей. Лишь отталкиваясь от последних, можно осуществлять обновление ценностей, способствующих достижению достаточно высокой степени согласия и единения людей, без которой невозможно устойчивое и поступательное развитие общества.

Целенаправленная деятельность по сравнению с другими типами обладает несоизмеримо большей конкретностью и рациональностью, поскольку требует от человека множества различных свойств и высокого уровня соответствия между ними. Следовательно, ее становление органически связано с развитием индивида не только как личности, но и как индивидуальности. Последняя, представляя собой интегративное образование, выражает, с одной стороны, уникальность человека, прежде всего как субъекта деятельности, с другой — результат определенных отношений в обществе, способствующих формированию этой уникальности. Самоидентификация себя как индивидуальности, осознание своих потребностей и интересов — актуальных и потенциальных — ведет к согласованию действий одного индивида с действиями других. В данном отношении целерациональная деятельность сходна с «коммуникативным действием» Ю. Хабермаса. Можно предположить, что классическая и коммуникативная рациональность тесно связаны между собой: первая является необходимой предпосылкой второй, а вторая — продолжением и развитием первой.

Н. Смелзер пишет о том, что послевоенная история Восточной Европы показала «неукротимость примордиального». Западная социология, как отмечает он далее, была введена в заблуждение представлением о том, будто рост сложных, рациональных, целенаправленных организаций означает общее ослабление примордиальных сил. События последнего времени требуют, «чтобы социологи переосмыслили прежние теории социальных перемен и обратили на примордиальные структуры достойное внимание, какового они всегда заслуживали, но которое не всегда им уделялось» [6, с. 13].

Представляется, что социальная деятельность людей и является примордиальной, то есть первичной основой жизни, развивающейся по своим собственным законам. Поэтому существенным критерием общественного прогресса выступает расширение возможностей для действия этих законов, для развития индивидов по законам их собственной деятельности. Как известно, сходные мысли высказывались еще К. Марксом, отмечавшим, что общественная история людей есть всегда лишь история их индивидуального развития, сознают они это или нет.

Распространение в обществе целерациональной деятельности, получающее реальное воплощение в увеличении удельного веса средних слоев, оказывает

существенное воздействие на все социальные структуры. Проявляющаяся через данный тип деятельности экспансия рациональности и индивидуализации находит свое выражение в становлении конституционализма, правового государства и гражданского общества. Однако данный процесс, идущий «снизу», встречает сопротивление со стороны существующих социальных структур, отражающих прежние формы деятельности. Отсюда проистекают противоречия между потребностями и интересами людей, с одной стороны, и экономическими нормами, законами, — с другой, между нравственными чувствами и официальной моралью, рациональностью на индивидуальном и иррациональностью на институциональном уровнях.

Главное состоит в том, что по мере распространения данного типа деятельности, превращения его из единичных явлений в особенные и общие, начинают складываться и усиливаться связи, идущие от индивидов к социальным структурам. Культура, сфокусированная в человеке как личности и индивидуальности, в его потребностях, знаниях и способностях, ценностях и диспозициях, жизненных планах и стратегиях требует для своей реализации изменения всех сфер общественной жизни. В результате происходит смена детерминистских связей между обществом и индивидами. Следовательно, социологический реализм, сложившийся на основе связей, идущих от общества к личности, в новых условиях не может претендовать на адекватное и тем более единственно верное отражение действительности. Поворот социологии на рубеже XX столетия от реализма к номинализму в социальном плане был обусловлен становлением и раскрытием новых видов деятельности, процессом превращения человека в самоценность, расширением пространства индивидуальной свободы и права. Социологический номинализм, отражая эти тенденции, переносил центр тяжести в исследованиях с социума на индивида, с отношений на деятельность и ее мотивацию. Однако неразвитость и противоречивость новых видов деятельности обусловили одностороннюю их трактовку, что, в частности, проявилось в психологизме, в подмене деятельности действием и т. д. Сужение понятия жизнедеятельности, в свою очередь, вело к абстрактному пониманию ее субъекта и, следовательно, к соответствующему — узкому и усеченному взгляду на связи индивида с обществом, к отрыву микромира от макромира, деятельности от структур.

Таким образом ни реализм, ни номинализм как социологические течения, взятые в отдельности, не могут претендовать на всестороннее, конкретное познание социальной действительности. Первый потому, что игнорирует индивидов, представляющих собой первичную основу жизни и их деятельность, второй — в силу абстрагирования от социальных общностей и институтов. Между тем последние — это необходимые предпосылки, условия и средства жизнедеятельности людей. Более того, чем выше уровень социальной деятельности индивидов, тем шире необходимая для ее протекания их совокупность.

Социологический реализм и номинализм представляют собой полюса континуума, поле которого — содержание социологии. Абсолютизация каждого из них ведет к разрушению социологии, ее качественной определенности, к выходу со стороны реализма в сферу социальной философии, с другого полюса — номинализма — в область психологии.

Социология предполагает такой уровень обобщения действительности, который удерживает в поле своего зрения и индивидов, и социальные структуры.

Главное же состоит в том, что данная наука, по нашему мнению, представляет собой теорию социальной деятельности индивидов и различных общностей, посредством которой осуществляется их воспроизводство как социальных образований. Однако поскольку эта деятельность может протекать лишь при условии взаимодействия индивидов и общностей, микро- и макромира, что проявляется в исторически конкретных формах отношений, общения и поведения людей, то социология не может не изучать последние. Более того, до сих пор она больше внимания уделяла исследованию отношений, общения и поведения, чем собственно созидательной деятельности, что нашло отражение и в учебной литературе. Анализ западных учебников по социологии показал, что в подавляющем большинстве из них социология определяется как наука об отношениях и поведении людей [7].

Игнорированию деятельности в социологии способствует представление, согласно которому поступательное движение общества выводится из его экономического развития. Отсюда следует: исследование производства, созидания, деятельности и т.д. — это прерогатива экономической теории, а функции социологии сводятся к изучению потребления, поведения и других производных и, следовательно, менее значимых процессов и явлений.

Между тем подход к социологии как теории социальной деятельности позволяет лучше, рельефнее высветить ее специфику, раскрыть в ней сущности более глубокого порядка. Не случайно современная социология все более ориентируется на исследование деятельности, что находит выражение в увеличении удельного веса проблематики, включающей в себя процессы изменений, динамики общества, различных форм девиации и инноваций, в возникновении принципиально новых подходов к пониманию социальной реальности. «Классическая социология (включая Маркса), — отмечает В. А. Ядов, — рассматривала прежде всего общественные структуры и формы социальной организации. Современные теории (еще не развитые до состояния, позволяющего адекватно планировать эмпирические исследования) акцентируют внимание на социальных событиях, социальных действиях и, конечно, самих деятелях (группах, общностях, выдающихся общественных лидерах» [8, с. 24].

Этот переход от изучения статики, структуры, организации социальных образований к исследованию их изменений, динамики, осуществляющихся посредством деятельности, с точки зрения развития социологии есть движение вперед. Но оно, вместе с тем, предполагает и возвращение назад к своему исходному, то есть к субъектам этой деятельности. Поэтому изучение деятельности социальных общностей и индивидов позволяет лучше и глубже раскрыть их структуру, выявить присущие им потребности, интересы, ценности и ориентации. Речь идет, таким образом, о восхождении от абстрактного к конкретному.

Социальная деятельность представляет собой высшую форму связи индивида с другими людьми, группами, общностями и с предметным миром. Поэтому тот или иной ее тип определяет в конечном счете специфику отношений, поведения и общения. Так, например, для ценностнорациональной деятельности характерны абсолютизация интересов и ценностей отдельных социальных групп, рас или наций. Создание на такой основе концепций, превращение их в господствующие идеологии и развертывание соответствующей деятельности,

как известно, оборачивается неисчислимыми бедствиями и огромными человеческими жертвами. В процессе этой деятельности возникает вражда и конфронтация между людьми и общностями, распространяются фанатическое и конформистское поведение индивидов, монологическая форма общения между ними... Целерациональная деятельность, наоборот, обуславливает солидарность и сотрудничество в отношениях, самостоятельность и ответственность в поведении, диалог как способ общения. Проблема диалога, исследованная М. М. Бахтиным, получила столь высокую оценку и широкий резонанс именно потому, что она отражала становление нового типа деятельности и ее субъектов.

Любая форма социальных связей обладает относительной самостоятельностью, может быть подвергнута социологическому анализу и, следовательно, конституироваться в специальную теорию. Однако такая теория вряд ли будет обладать самодостаточностью. Она может быть понята лишь в рамках того социального контекста, основные параметры которого задаются определенным типом социальной деятельности. То, что по своему существу социология представляет теорию социальной деятельности, подтверждает история ее возникновения и развития. Она появилась и интенсивно развивалась тогда, когда качественно менялись способы деятельности и, следовательно, формы отношений, поведения и общения, когда резко расширялся их диапазон, возрастало количество девиаций и конфликтов. И, наоборот, там, где существует жесткая и однозначная регламентация жизнедеятельности людей, где сужается до минимума социальное поле свободы, господствует принуждение и насилие, там она остается невостребованной. Об этом свидетельствует исторический опыт народов, переживших тоталитарные режимы.

Сейчас уже широко распространено убеждение, как справедливо отмечает

П. Штомпка, что реальной причинной силой социальных изменений является человеческая деятельность [9, с. 43]. Представляя собой первичную основу социальной жизни, она функционирует и развивается по своим собственным законам. Все остальное может быть рассмотрено с точки зрения ее предпосылок, условий, средств. Поэтому «отыскание» оригинала «социологии, не замутненного терминологическими метаморфозами» (Г. С. Батыгин), по нашему мнению, и лежит на путях раскрытия социологии как теории деятельности. Следует согласиться с мнением о том, что такой «оригинал» существует и постоянно напоминает о себе требованием научного переустройства мира, апелляцией к объективным естественно-историческим законам, необходимостью учета общественного мнения, практикой задавания оценочных вопросов, где оценка «удовлетворенность» образует основную часть корпуса используемых социологических переменных [10].

Из трактовки социологии как теории деятельности вытекает и ее стремление, с одной стороны, к универсализму, то есть включению в орбиту своего анализа все новых явлений и процессов, а, с другой стороны, — к ограничению себя от других дисциплин, к сохранению и усилению своей самостоятельности. Первое объясняется тем, что индивид и его деятельность по мере своего развития требуют создания все большей совокупности необходимых предпосылок, условий, средств. Следовательно, социология вынуждена включать их в свой предмет. Вместе с тем, расширяя круг своего исследования, она анализирует все вовлеченные факторы специфическим образом, с точки зрения обеспече-

ния деятельности людей, то есть как ее предпосылки, условия, средства. Тем самым социологический подход к явлениям отличается от подходов других наук, где они рассматриваются как самостоятельные образования.

В отличие от классической науки, описывающей объект как таковой, безотносительно к деятельности субъекта с ним, современное научное знание преодолевает противопоставление объекта и субъекта, структуры и деятельности, познавательного и ценностного отношения к миру. Поэтому аксиологический идеал науки, понимаемый как выражение осознанной практической необходимости, все более задает программу познавательной деятельности. В социологии таким аксиологическим принципом, вокруг которого происходит кристаллизация всего гносеологического материала, по нашему мнению, и является определенный принцип связи общества и индивида, находящий свое конкретное выражение в том или ином типе деятельности, в соответствующих ей способах поведения и общения.

Следует согласиться с Ж. Т. Тощенко в том, что существующие определения специфики социологии и ее предмета неопределенны, слишком общи и не дают удовлетворительного ответа на актуальные вопросы данной науки и практики [11]. Представляется, что выдвигаемая трактовка социологии содействует преодолению этой неопределенности, решению теоретических и практических задач.

Российское общество переживает трудный и сложный период — трансформацию из одного качественного состояния в другое. Объективно суть этого перехода состоит в создании наиболее оптимальных с точки зрения достижений современной цивилизации условий для жизни людей, их воспроизводства и развития. Осуществить эту трансформацию сегодня невозможно не переводя стрелку общественного развития с рельс традиционной и ценностнорациональной деятельности на путь широкого развития деятельности целерациональной с богатой поливариантностью внутри нее.

Роль социологии в данном переходе весьма существенна. Во-первых, речь идет о том, чтобы реформаторы опирались не только на экономическую и политическую доктрины, которые исследуют отдельные стороны жизни на макроуровне, но и на социологию. Последняя в силу своей специфики сориентирована прежде всего на изучение мира индивидов с их насущными потребностями, интересами, ценностями, социальными установками, жизненными планами и стратегиями. С этих позиций она все более подходит и к анализу социальных структур, макромира в целом. Следовательно, знание этих сторон жизни в их органическом единстве, даваемое социологией, — необходимое и важное условие успешного преобразования общества. Исторический опыт реформирования различных стран свидетельствует: реформирование протекало наиболее результативно там, где проходило на основе учета первичных основ жизни и, наоборот, игнорирование последних вело к такому способу решения общественных проблем, эпитафией которому служит получившая известность фраза: «Хотели, как лучше, а получилось, как всегда».

Во-вторых, свою роль в трансформирующемся обществе социология может выполнять не иначе, как внедряясь в сознание широких слоев, формируя соответствующее мышление, ориентирующее личность на самоидентификацию, на осознание своих действительных, а не мнимых потребностей и ценно-

стей, на поиски оптимальных с точки зрения себя и общества путей и способов их реализации. Прежде социальные науки существовали и развивались постольку, поскольку нужны были государству, их первейшая функция сводилась к обоснованию определенной идеологии – стержня ценностнорациональной деятельности. Теперь же происходит переориентация с «обслуживания» исключительно государства на обслуживание общества, его различных институтов и главное – личности как субъекта новых видов деятельности, отношений, поведения и общения. Чем больше индивид превращается из объекта в субъект, чем выше социальный и рациональный уровень его деятельности, тем значительнее его потребность в знаниях, в удовлетворении которой существенная роль принадлежит социологии. Поэтому так важно, чтобы изучение социологии превратилось в органическую составную часть подготовки специалистов всех профилей, чтобы оно было направлено на преодоление засилья технократизма и утверждение гуманизма [см.: 12]. Ясно, что выполнение социологией своих функций по формированию соответствующего мышления, современных форм рационализма и гуманизма, по выработке основных принципов деятельности во многом зависит от того, насколько она преодолит состояние дисциплины «догоняющей», достигнутый в настоящее время уровень научного знания и в какой мере будет раскрываться ее действительная специфика.

Литература

1. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
2. Бакиров В. Социальное познание на пороге постиндустриального мира // *Общественные науки и современность*. 1993. № 1.
3. Магун В. С. Трудовые ценности российского общества // *Общественные науки и современность*. 1996. № 6.
4. История теоретической социологии. Т. 1. М., 1995.
5. Громов И., Мацкевич А., Семенов В. *Западная социология*. СПб., 1997.
6. Смелзер Н. *Социология*. М., 1994.
7. Зборовский Г. Е. *Зарубежные учебники по социологии* // *Социально-политические науки*. 1990. № 12.
8. Ядов В. А. Настоящее и будущее теоретической социологии в России // *Социологические исследования*. 1995. № 11.
9. Штомпка П. *Социология социальных изменений*. М., 1996.
10. Батыгин Г. С. Происхождение социологии // *Вестн. АН СССР*. 1991. № 2.
11. Тощенко Ж. Т. Социальное настроение – феномен современной социологической теории и практики // *Социологические исследования*. 1998. № 1.
12. Социологическое образование в России: Итоги, проблемы, перспективы: Тезисы Всероссийской научной конференции. 25–27 июня 1998 г. Разделы. 1-2, 3-4. СПб., 1998.